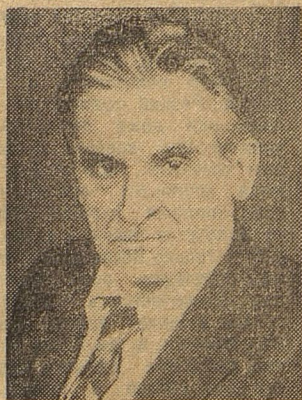

НА КОНЧИКЕ

Впоследствии, вспоминая о Багрицком, Олеша писал: «Может быть, Эдуард Багрицкий — наиболее совершенный пример того, как интеллигент приходит своими путями к коммунизму».

Конечно, Юрий Олеша был одним из самых оригинальных дарований в этой одесской группе молодых друзей, среди которых были такие блистательные таланты, как Валентин Катаев, Исаак Бабель, Эдуард Багрицкий, Илья Ильф, Зинаида Шишова, Семен Кирсанов.

Группа называла себя: «Коллектив поэтов». Была большая и не очень опрятная квартира, брошенная бежавшими буржуями и ставшая трофеем поэтов. Здесь происходили ежевечерние литературные бдения. Впоследствии Олеша писал о «Коллективе поэтов»:

«Отношение друг к другу было суровое. Мы все готовились в профессионалы. Мы серьезно работали. Это была школа».

Да, здесь мы получали первые уроки мастерства. Они воспринимались не за партой, не за учебным столом, а в живом общении друг с другом. Искусство и жизнь были неразделимы.

Конечно, у этой школы был

свой стиль. Ей предшествовала другая «школа» — университетский литературный кружок «Зеленая лампа». Руководил им профессор, старый шекспировед. Кружок был основан как учреждение вполне академическое. В самом названии его — дань традиции. Но очень скоро старый шекспировед стал похож на возницу, у которого понесли кони.

Двери «Коллектива поэтов» были широко открыты. Сюда приходили художники, артисты, ученые.

Уже тогда по первым литературным опытам Олеша мы почувствовали силу и обаяние его удивительно гибкого таланта. Он равно преуспевал во всех жанрах — в поэзии, в прозе, в драматургии. А когда мы всей нашей группой переехали в Москву и, по-прежнему не расставаясь друг с другом, стали работать в газете «Гудок», выяснилось, что Олеша еще и великолепный журналист.

«Коллективом поэтов» никто не руководил. Здесь не было авторитетов. Но был кумир — Маяковский.

Олеша был верен своим страстям. Поклонение Маяковскому он пронес через всю жизнь. Одну из последних его

ЛУЧА...

К 80-летию
СО ДНЯ
РОЖДЕНИЯ
ЮРИЯ ОЛЕШИ

статей, опубликованную уже посмертно, можно было бы назвать: «Объяснение в любви Маяковскому». В то же время эта статья отражает ту влюбленность в Маяковского, которую испытывает все наше поколение.

В газете «Гудок», где к нашей компании присоединился еще и Михаил Булгаков, Олеша писал острые стихотворные фельетоны под псевдонимом Зубило. Вскоре это имя стало знаменитым. Зубило получал сотни писем. Появились даже самозванцы — Аже-Зубилы. Олеша-Зубило собирал на своих выступлениях огромные аудитории. Он выступал в железнодорожных депо, в паровозных цехах. Что может быть более волнующим, чем длинные гульки пролеты, заполненные рабочими, которые взбирались на станки, на вагонетки, на подъемные краны! Какой театральный зал сравнится с такой аудиторией!

Тут уместно сказать, что и за пределами своей газетной работы на злободневные темы Олеша, которого порой пытались представить оторванным от житейской прозы и витающим где-то в романтическом поднебесье, во всех произведениях своих оставался в по-

гоке современной действительности. Даже прославленная сказка его «Три толстяка», в сущности, трактует о жгучих социальных проблемах, не говоря уже о романе «Зависть», пьесе «Список благодетелей» и последней прозе его «Ни дня без строчки», разрабатывающих острую современную тематику с той пристальностью и с тем бесстрашием, которые в искусстве называются — реализм.

НАРУЖНОСТЬ Юрия Олеша была приметна. Мне всегда казалось, что он похож на свои писания. Широкоплечий, невысокий, с большой головой гофманского Щелкунчика, с волевым подбородком, с насмешливой складкой рта, с острым и в то же время мечтательным взглядом двух маленьких синих светил, Олеша, действительно, имел в себе что-то сказочное.

В одном из своих выступлений я назвал Олешу «солнцем нашей молодости». И вот недавно, перечитывая его непотоптанным книгу «Ни дня без строчки», я прочел:

«Ничего не было в моей человеческой жизни, что обходилось бы без участия солнца... Что бы я ни сделал, куда бы я ни шел, во сне ли, бодрствуя, в темноте, юным, старым, — я всегда был на кончике луча».

Да, это было всегда, с самой юности. И потому уже тогда, уже смолodu никто не мог сравниться с Олешей во власти его над нами, его друзьями, — власти его таланта, его вкуса, его артистизма, его воображения, власти его большой чело-веческой доброты.

Лев СЛАВИН